

Научная статья

УДК 340.1

DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).150-163

EDN PDADGX

Ключевые философско-правовые принципы разных политических идеологий

Михаил Алексеевич Кудашев*Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия**mkudashev55@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0015-9823>*

АННОТАЦИЯ

Формам общественного сознания не свойственна политическая нейтральность. Естествоиспытатели выдвигают и описывают свои теории, опираясь на жизненный опыт, полученный в социуме. В не меньшей мере это касается суждений о праве и государстве. Мы выделяем четыре основные политические идеологии современности: консерватизм, либерализм, анархизм и марксизм. Данным мировоззрениям соответствуют идеологически окрашенные комплексы, сквозь призму которых интерпретируется текст закона. В статье они обозначены как ключевые философско-правовые принципы. Консерватизму соответствует первоначало преемственности; либерализму – приоритет прав и свобод человека; анархизму – примат интересов общества над интересами государства; классовый характер права и государства является пресуппозицией марксизма. Структурное положение в системе разделения труда заставляет отдельные социальные группы склоняться к тому или иному принципу прочтения правовой нормы. К консервативному первоначалу тяготеют пенсионеры; к либеральному – предприниматели, политики и капиталистически ориентированная интеллигенция; к анархическому – фрилансеры; организованный индустриальный пролетариат тяготеет к коммунистическому первоначалу. Каждая пресуппозиция способна внести вклад в многообразие и богатство российского общества, однако, в силу объективных процессов, происходящих в народном хозяйстве, движения собственников производств и выгодоприобретателей государственного патернализма нередко оборачиваются безыдейной поддержкой устоявшейся расстановки сил. Движению рабочих, напротив, свойственна заранее избранная позиция жертвы. На этом фоне эвристический потенциал анархизма традиционно недооценивается. Вытеснение административно-командного воздействия суверена стихийной (рыночной) связью индивидуумов может стать ключом к преодолению противоречий капитализма без открытого столкновения с ним. Средства юридической техники разрабатывались практиками права на протяжении веков сопротивления давлению государства. С точки зрения философствующих анархистов, принципы права со временем выведут ученых-юристов за рамки табличной модели истины, предложенной эпохой Просвещения. Выверенный теоретико-правовой подход избавит дисциплинарные изыскания от комплиментарного тона, который сегодня почти неизбежно сопутствует специально-юридическому исследованию статус-кво.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

анархизм, консерватизм, либерализм, марксизм, принципы права, тип правопонимания

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кудашев М.А. Ключевые философско-правовые принципы разных политических идеологий / М.А. Кудашев. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).150-163. – EDN PDADGX // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 1. – С. 150–163.

Original article

Key philosophical and legal principles of different political ideologies

Mikhail A. Kudashov*Volgograd State University, Volgograd, Russia**mkudashev55@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0015-9823>*

ABSTRACT

Forms of public consciousness are not characterized by political neutrality. Natural scientists put forward and describe their theories based on life experience gained in society. This is no less true for judgments about law and state. We identify four main political ideologies of our time. They are conservatism, liberalism, anarchism and Marxism. Ideologically colored complexes correspond to these worldviews. The statutory text is interpreted through the prism of them. The complexes are designated as the key philosophical and legal principles in

© Кудашев М.А., 2025

this article. Conservatism corresponds to the principle of continuity; liberalism corresponds to the priority of human rights and freedoms; anarchism – to the primacy of the interests of society over the interests of the state; the class character of law and state is a presupposition of Marxism. The structural situation in the system of labor division forces some social groups to lean towards one or another principle of reading the statutory norm. Pensioners gravitate towards the conservative initial. Entrepreneurs, politicians and capitalist-oriented intellectuals gravitate towards the liberal one. Freelancers gravitate towards the anarchic one. The organized industrial proletariat tends towards the communist principle. Each presupposition is able to contribute to the diversity and wealth of Russian society. However, due to the objective processes taking place in the economy, the movements of owners of production and beneficiaries of state paternalism often turn into an idealess support of the established balance of power. The workers' movement, on the contrary, is characterized by a pre-chosen position of sacrifice. Against this background, the heuristic potential of anarchism is traditionally underestimated. The displacement of the administrative and command influence of the sovereign by the spontaneous market connection of individuals can be the key to overcoming the contradictions of capitalism without openly clashing with it. The means of legal technique were developed by legal practitioners during centuries of resistance to state pressure. From the point of view of philosophizing anarchists, principles of law will eventually lead legal scholars beyond the tabular model of truth proposed by the Enlightenment. A well-thought-out theoretical and legal approach will save disciplinary research from the complimentary tone that almost inevitably accompanies a special legal study of the status quo.

KEYWORDS

anarchism, conservatism, liberalism, marxism, principles of law, type of legal understanding

FOR CITATION

Kudashev M.A. Key philosophical and legal principles of different political ideologies. *Akademicheskii yuridicheskii journal = Academic Law Journal*. 2025;26(1):150–163. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(1).150-163. EDN: PDADGX.

Введение

Для современного научного мировоззрения не является секретом, что ключевые понятия, когда-то считавшиеся априорными для всего человечества, не могут рассматриваться в качестве предзаданных. Даже в дисциплинах, исследующих природу, пространство и время неодинаково интерпретируются людьми различных эпох, культур, социальных слоев и бэкграундов. В XVII веке француз Рене Декарт сформулировал теорию эфирных вихрей, согласно которой небесные тела вращаются под влиянием округлых завихрений, похожих на водные или атмосферные. Его младший современник, англичанин Исаак Ньютон, открыл Закон всемирного тяготения: легкие тела притягиваются к массивным, а движение спутника вокруг планеты есть специфическая форма свободного падения.

Чем объяснить расхождение космологических взглядов столь выдающихся естествоиспытателей, если оба они работали в условиях недостатка доказательств? Имре Лакатос связывал несовпадение фундаментальных пресуппозиций с различием доступных ученым социальных практик [1, с. 127–128].

Старорежимная Франция оставалась феодальной страной, где буржуазия могла позволить себе влиять на политику государства, добиваясь некоторого ограничения привилегий потомственной аристократии, выкупать у правительства дворянские титулы. Сама сословная, иерархическая структура общества, включенность

каждого индивидуума в замкнутый коллектив со своими косными правилами при этом не подвергались сомнению [2, с. 5–9]. Нет ничего необычного в том, что космос Декарта, выросшего в таких обстоятельствах, напоминает гармоничный часовой механизм, где небесные тела похожи на винтики, вмонтированные в передвигающие их сферы. Англия времен Ньютона отличалась иным морально-психологическим и хозяйственным климатом. После завершения Гражданской войны и особенно после Славной революции предприниматели заняли место господствующего класса. Лендлорды перешли в глухую оборону не полностью утраченных позиций. Громоздкая система принятия решений, неcodифицированная английская конституция растянули их уход с политической арены на многие десятилетия, но историческая инициатива оказалась потеряна навсегда. Взлеты и падения личных капиталов, вытеснение с рынка незадачливых конкурентов, небывалое богатство одних и крайняя бедность других – все это наталкивало на мысль, что каждая планета – отдельная цитадель с уникальной судьбой [3, с. 119–120, 136–139].

Социально-гуманитарные учения в не меньшей мере подвержены воздействию управленческих, экономических, духовных практик. Цель данной статьи – обозначить, как политические воззрения авторов формируют их восприятие широкого культурного контекста, в котором только и может существовать труд юриста, интерпретироваться текст правовой нормы. В юри-

дической теории, господствующей на постсоветском пространстве, описание такого контекста сводится к изучению аксиом и принципов права [4, с. 42–45]. Каждое первоначало, вероятно, заслуживает небольшого исследования, но в наши задачи входит агрегировать и обобщить сведения о нормативно-правовых предписаниях, как доктринальных, так и законодательно закрепленных, которым теоретики, в зависимости от собственного мировоззрения, склонны придавать особое значение, соответствующее высоте конституционного текста, а де-факто и выше отдельных его положений. Не пытаясь в рамках одной работы оценить все тонкости противоречий, возникающих в академической среде, мы обозначили такие политически и идеологически окрашенные комплексы, как ключевые философско-правовые принципы. Ключевые, поскольку имеют определяющее значение для всего учения о праве и государстве. Философские, так как генетически связаны с мировоззрением. Правовые, поскольку имплицитно присущи юридическим, а не только социологическим, историческим, политологическим и прочим изысканиям. Их наличие опровергает уже не раз оспоренную политическую нейтральность суждений о праве, но в то же время приглашает представителей разных традиций прислушаться к аргументам друг друга во имя сохранения общественного мира без потери перспектив конкурентного развития.

Опираясь на мнение Роберта Пола Вольфа [5; 6, с. 3–8, 147–150], мы выделяем четыре основные политические идеологии: консерватизм, либерализм, анархизм и марксизм. Течениям, как правило, соответствуют определенная социальная роль и бэкграунд автора. Они подталкивают интеллектуала на веру принять один из ключевых философско-правовых принципов, а уж затем перейти к интерпретации правовых явлений. Именно поэтому в нашей статье направления мысли рассмотрены как непересекающиеся пресуппозиции. Лишь во вторую очередь мы обращаемся к ним как к полноценным социально-политическим учениям, которые находятся в сложных взаимоотношениях и многое заимствуют друг от друга.

Консервативные и реакционные течения

Обращаясь к консервативным и реакционным направлениям мысли, юристу следует начать с их глубокого соответствия одним правовым семьям и одновременно наличия некоторых противоречий.

Романо-германскую правовую семью связывают с рецепцией римского права, однако весь классический период, вплоть до юстиниановой кодификации, римское частное право опиралось на эдикты преторов, что делало его не чуждым судебному нормотворчеству. Как и все юридически значимые документы древности, Законы двенадцати таблиц представляют собой сборник казусов. Гипотеза, диспозиция и санкция правовой нормы отсылают нас к случаю, который уже имел место в прошлом, успел закрепиться в судебной практике.

В XIII веке в стенах университетов Италии утвердилась мысль, что в коммерции и гражданских делах писаный закон обязан получить приоритет над прецедентами и местными обычаями. В отсутствии политического единства Италии, надежд на появление национального государства в какой-либо из соседних континентальных стран, профессора из школы глоссаторов, а затем их преемники из школы комментаторов восприняли в качестве такого закона Юстинианов корпус, имевший реальную юридическую силу в период господства Византии [7, 32–36]. Естественно, что в XIII–XIV столетиях новый подход к иерархии источников права не выходил за пределы учебных заведений. Университеты готовили знатоков *Corpus iuris civilis*, а сельские старейшины, королевские судьи и городские магистраты руководствовались казусами и обычаями.

Ситуация в корне поменялась после Великой французской революции. Предварительное регулирование общественных отношений, принятое в рамках такого источника, как нормативный правовой акт, отражает визионерское стремление парламентариев предугадать, каким окажется взаимодействие граждан после принятия новой конституции или кодекса [7, с. 72–75]. Политическая воля реформатора получает возможность быстро перестроить систему права и не дожидаться возникновения традиции. При последующей методике регулирования накопление юридической практики предшествует манифестации правовой нормы. Вот почему прецедентные, доктринальные формы англосаксонской и исламской семей больше соответствуют консервативному принципу преемственности. В странах романо-германской группы консерватизм подчас приобретает реакционные черты радикального отрицания «наследия 1789 года» [8, с. 29–30].

Обратимся к неопозитивистскому учению Ганса Кельзена. Исследователь считал предпосылкой всякого правопорядка следующее пред-

ложение: «акты принуждения должны осуществляться при таких условиях и таким образом, как это предусматривает исторически первая конституция и установленные в соответствии с ней нормы» [9, с. 249]. Какая конституция рассматривается в качестве исторически первой? Та, что возникла по результатам последней революции. Успех народного восстания, переворот внутри элит создают в праве пробел, который тут же заполняется фикцией преемственности различных поколений национальных политиков, хотя бы и фактически враждебных друг другу [9, с. 270–271].

На международной арене тенденция к столь будничной юридикации революционных процессов, пожалуй, имеет полное право на существование. На противоположном конце света гражданам зачастую нет дела, кто и в соответствии с какой процедурой сменил иностранного лидера. На уровне конкретной страны мы сталкиваемся со сведением остроты политической жизни, кризиса смены вех к позиции бюрократа-лоялиста, который в 1916-м поддерживал царский режим, в 1917-м — Временное правительство, а в 1918-м — большевиков. За что якобиты и легалисты бились в горной Шотландии? Почему жирондист ненавидел монтаньяра? Куда плыли участники Севастопольской эвакуации? Как индивид Кельзен признавал возможность напряженных конфликтов этических предпочтений с правовыми нормами [10, с. 134–136], но его теория их игнорирует. Налицо подмена творческой культурной интерпретации механистическим цивилизаторством во всепримиряющем и все упрощающем духе.

Сторонники реакционной мысли склонны критиковать умеренных консерваторов за излишнюю терпимость к переменам. Коль скоро правотворческая функция бунта подкреплена силой, вчерашних преступников уже сегодня называют законным правительством.

Ультраконсервативное движение стремится сохранить неразрывную связь с историческим ядром культуры. Аграрное общество веками демонстрировало принадлежность власти сословию воинов, кому с оружием в руках удалось обложить селян данью, а некоторых обратить в рабство. Чтобы упрочить и оправдать завоевания, дворянство нуждалось в специфическом истолковании религии — так возник его союз со священством. Мысль о возвращении к сословному делению через преодоление новаторских идей равенства и братства привела реакционных интеллектуалов к особой форме юснатурализма.

Человек пользуется пакетом естественных прав, но не как единичный представитель вида *Homo sapiens*, а как потомственный участник замкнутого коллектива со своей профессией и кодексом чести [11, с. 189–195]. Правовой статус личности наполняется содержанием по мере приближения к военно-административной, церковной, коммерческой верхушке.

Подход имел смысл в полиархическом обществе Средневековья, где несколько суверенов действовало на одной и той же территории и находилось в формально не регулируемых отношениях между собой. Каждый из центров силы стремился продалить собственный интерес, «замешать» его на мистических переживаниях населения, сохранить за собой людей и ресурсы (самый известный пример — борьба пап со священноримскими императорами Салической династии на рубеже XI и XII столетий). Положение поменялось с возникновением вестфальского государства. Каждый участок земной поверхности теперь подчиняется единственному суверену. В отсутствии конкуренции верховных властей идея сословности становится концептом неприкрытой, неограниченной репрессии. Бюрократы почти полностью отрываются от подданных, как это и случилось в период европейского абсолютизма. Пытаться реанимировать сословность сегодня — значит растить авторитаризм, ксенофобию, искать внутреннего врага.

Любопытно, что философско-правовой принцип преемственности сохраняется в консервативном мировоззрении независимо от принятия им крайних или умеренных форм. Первоначало возвышается над, казалось бы, фундаментальными противоречиями естественно-правовой теории и позитивизма. Столь горячую приверженность консерваторов понятию преемственности стоит отнести к их позиции в социальной структуре: за пределами периодов взрывного общественно-политического развития время работает на отдельные классы населения и дает им возможность обеспечить себя пассивным доходом, не прибегая к труду. Чем надежнее имущественный комплекс, которым владеет группа, и чем с большей вероятностью отношения, устоявшиеся в отрасли экономики, перенесут революционные изменения конституционного строя, тем выше шанс, что представители данной группы будут исповедовать умеренную, респектабельную версию консерватизма.

Поскольку Россия является ресурсодобывающим государством, правительство страны может позволить себе перераспределение при-

родной ренты в пользу лиц, которым выплаты из бюджета положены по закону. В условиях незавершенности перехода к накопительной системе пенсионного обеспечения миропонимание рантье не будет чуждо представителям старшего поколения и иным реципиентам суверенных трансфертов [12, с. 202–203]. Учет консервативной, преемственной пресуппозиции миллионов граждан — необходимый фактор мира и согласия в российском обществе.

Либерализм

Идеология либерализма зародилась в ходе буржуазных революций и борьбы с концепцией божественного права королей. Политическая власть была описана как результат договора подданных. Страсть к завоеваниям, восхваление воинской доблести сменились в общественном сознании поощрением конкуренции.

Сегодняшний социум остается верен устоям капитализма, несмотря на метаморфозы последних четырех столетий. Это означает, что наиболее организованной, по умолчанию поддерживаемой властями и правовыми системами большинства стран группой граждан являются собственники средств производства, предприниматели. В России статус-кво закрепляют такие конституционные нормы и институты, как свобода предпринимательства, равная защита частной, государственной муниципальной и иных форм собственности, безусловная гарантия права наследования, а также в целом либеральный, естественно-правовой подход авторов Основного закона, провозглашение «человека, его прав и свобод» в качестве «высшей ценности»¹. Кризисы, внешнеполитическое и внешнеэкономическое давление не слишком повлияли на идейное позиционирование отечественных элит, которое берет начало в шоковой терапии, в противостоянии Президента и Верховного Совета, в прочих событиях 1990-х годов. Либеральный характер Конституции свойственен ее новейшим редакциям.

Юснатурализм Георга Вильгельма Фридриха Гегеля примечателен как в философском, так и в юридическом отношении. Индивидуальные права человека-бюргера обеспечены всеобщими обязанностями перед демократическим правовым государством — вот результат раскрытия Абсо-

лютного духа в германском мире [13, с. 279–285, 374–378]. Проще говоря, свобода одного лица заканчивается там, где начинается свобода другого. Чиновникам, нанятым за деньги из массы подданных, принадлежит роль арбитров, усмирителей смутьянов общественного спокойствия.

С точки зрения Гегеля, «разумное состоит в том, чтобы я владел собственностью». «Чем я владею и как велико мое владение, есть правовая случайность». Она не нарушает формального равенства обывателей [Там же, с. 107]. На деле именно эта «случайность» пробуждает в участниках гражданского оборота жажду успеха, заставляет их рисковать и брать на себя ответственность. Она же отличает реального бизнесмена от абстрактного собственника со страниц закона. Мы сталкиваемся с главным противоречием либеральной пресуппозиции верховенства прав и свобод человека: идет ли речь о родовом понятии или об отдельном индивиде? Как будет решаться конфликт конкретного и универсального?

Искусство часто отвечает на вопросы, которые с трудом доступны науке. Обратимся к творчеству мастеров Северного Возрождения, Золотого века Нидерландов. Картина Рембрандта Хамерса ван Рейна «Ночной дозор» (1642) представляет собой групповой портрет мушкетеров, патрулирующих Амстердам по случаю приезда матери французского короля Людовика XIII. На полотне отсутствуют ярко выраженные центральные фигуры. Командиры дозора, хоть и находятся на первом плане, очевидно, не отличаются от своих подчиненных по общегражданскому статусу и могут быть с легкостью переизбраны. Девочка в золотом платье, уличный музыкант, воришка-мальчик удачно вписываются в композицию картины — городское ополчение неотделимо от земляков [14, с. 115–120]. И это неудивительно: работа амстердамской милиции не финансировалась ни правительством Соединенных провинций, ни столичным муниципалитетом. Занять такую должность мог лишь человек состоявшийся и небедный, чаще всего — представитель бизнеса [15]. Покупать мушкет, обмундирование, лошадь приходилось за счет личных сбережений, а храбрость проявлять — из любви к родной коммуне и к своему делу, обустроенному неподалеку от дома. Если небольшой населенный пункт подвергнется непосредственной опасности, то в силу коммунальной, цеховой связи, вследствие знакомства почетных горожан, родовое понятие буржуазных прав и свобод человека окажется почти тождественно правам и свободам отдельно взятого бюргера. Такое же единодушие ца-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : (ред. от 01 июля 2020 г.) : ст. 34, ч. 2; ст. 8, ч. 2; ст. 35, ч. 4; ст. 2 // СПС «КонсультантПлюс» ; Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации : от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 2020. 16 марта.

рит среди арбалетчиков, запечатленных Дирком Якобсом (1529, 1532, 1561) и Корнелисом Антонином (1533). Отметим, что Нидерландская революция — хронологически первый и единственный переход от феодализма к капитализму, свершившийся до окончания Тридцатилетней войны, т.е. до образования территориального (вестфальского) государства.

В Новом Свете институт народного ополчения закрепился до такой степени, что был упомянут в Билле о правах Соединенных Штатов Америки: «Поскольку надлежащим образом организованная милиция необходима для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно ограничиваться»². Федеральное правительство поощряло подобные формы самоорганизации, пока шло освоение фронта. Несмотря на то, что право индивидуального владения оружием сохраняется в США по сей день, функции ополчения уже с начала XX века перешли к шерифам. Суверен не без оснований видит в низовых вооруженных отрядах угрозу собственной монополии на легальное применение силы [16, с. 267–268].

В любом случае, такие товарищества, будь то клевенеры, арбалетчики или ковбои, характерны для определенного этапа развития западной культуры с ее культом достоинства личности. В православных странах этот принцип уступает место примату духовной свободы над социальной, политическому эскапизму.

Отечественные неогегельянцы, последователи Владика Сумбатовича Нерсисянца, упустили из виду авторитарный подтекст учения о приоритете естественных прав и свобод человека, который оно получает в государственно-организованном обществе, особенно в таком склонном к абсентеизму и деполитизации, как российское. Ученые считают вольный характер действий конкретного индивида случайностью и даже «озорничеством» [12, с. 132]. Настоящая свобода достижима лишь в государстве, признающем ее эссенциальные предпосылки (равенство прав граждан, защита частной собственности, периодическая избирательная процедура, высокий уровень общественного порядка) [17, с. 387–390], либо в специфической цивилизационной среде Западной Европы и Северной Америки [12, с. 127–128]. Оба этих вывода вполне укладываются в традиции холизма. В условиях возросшей численности на-

селения, все более изощренного разделения труда, почти абсолютного морального и идейного плюрализма, образ носителя естественных прав, упоминаемый в текстах нормативных актов, далеко не всегда совпадает с позицией эмпирического индивидуума.

Отыграв революционную роль и выведя на арену истории вестфальское государство, буржуазный юснатурализм стал решать конфликт эмпирического и абстрактного в пользу абстрактного. Понятие естественного права до некоторой степени монополизирует духовную жизнь общества: светскость подрывает истовую религиозность, социальные права — философию бродяжничества и т.д. Товарищество, «согласие» членов коммуны «в вопросах права и общность» их «интересов» [18, с. 21] заменены нахождением массы во многом чуждых друг другу людей в одном географическом регионе. Критика позитивного закона теряет остроту, а нравственный выбор девальвируется.

Как и в подавляющем большинстве государств, где есть светская кодифицированная конституция, политическая пресуппозиция российских элит остается либеральной. Тезис о верховенстве естественных прав и свобод человека и гражданина разделяют предприниматели, а также часть наемных работников, ответственных за духовно-производственное обслуживание собственников капитала: многие юристы, менеджеры, представители академии — все, чьи социально-экономические возможности резко возросли на фоне личного успеха. Столь влиятельным социальным группам подобает не только информировать широкие слои населения о господствующей точке зрения, но и прислушиваться к иным принципам прочтения правовой нормы.

Анархизм

Место политической идеологии анархизма в интеллектуальной истории человечества совершенно не сопоставимо с ролью, которая отводится ей в школьных и университетских программах. Достаточно сказать, что в основе общественного сознания христианских этносов лежат биографии лиц, осужденных суверенными властями к тяжким уголовным наказаниям: мучеников, апостолов, Иисуса Христа. Самые авторитетные вероучительные тексты призывают христиан не искать земного отечества³ и не разделять хилиастических надежд достичь справедливости административ-

² Билль о правах // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2010. Т. 2: Современное государство и право. С. 205–207.

³ Апостол Павел. Послание к Евреям // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Bielefeld, Nördlingen : Свет на Востоке, 2018. С. 1072–1082.

ными методами [19, с. 151; 20, с. 661; 21, с. 131]. Народы России, независимо от их происхождения и конфессиональной принадлежности, на протяжении веков сталкивались с повышенной ролью государства в жизни общества и всякий раз, когда давление ослабевало, отдавали предпочтение вольнице, будь то «парад суверенитетов», крестьянские движения или казачество.

Тем не менее на свете нет лучшего способа оставить мысль в чистом и нетронutom виде, чем не пытаться сопоставить ее с реальностью. А в реальности право является одновременно эффективным и мирным средством сокращения суверенного давления на местные общины, на стихийно возникшие связи индивидов. Вот почему нам следует присмотреться к юридическому или легалистскому анархизму [22, с. 86; 23, с. 208, 216].

В цикле статей «Не измена» американский юрист Лисандр Спунер на примере событий Гражданской войны 1861–1865 годов доказывает, что процесс конституционного строительства территориального государства, каким бы демократическим оно ни называлось, принципиально не соответствует реквизитам частноправовой сделки. Политики Севера воспрепятствовали отделению южан не из нелюбви к рабству, а из стремления заставить их жить под властью правительства, с верховенством которого они не согласны [24, с. 4]. Преамбула Конституции США, а вслед за ними и многих других стран, бросает слова «Мы, народ...» на ветер: с юридической точки зрения объединиться в народ можно только по результатам общественного договора. К такой лично-доверительной сделке люди приходят либо посредством явно выраженного каждым индивидуальным участником согласия, либо путем введения в заблуждение, шантажа и угроз [24, с. 11]. Посыл Американской революции состоял как раз в том, что жители тринадцати колоний не согласны, а значит, — не обязаны выражать лояльность заокеанскому монарху. Что справедливо в отношении населения континента, остается верным применительно к штату, округу, хутору, домохозяйству и к отдельному человеку. Большинство имеет не больше оснований управлять меньшинством, чем меньшинство большинством. В противном случае американцы, которых было гораздо меньше, чем англичан, никогда бы не стали самостоятельной нацией [Там же, с. 8]. Сопротивление конфедератов Конгрессу и Президенту — моральный эквивалент восстания колонистов против Георга III. Профанация налоговой обязанности одним-единственным фермером отличается сопоставимой удалю и общественной

полезностью. Перенос политического обязательства на потомков борцов за независимость столь же нелеп, как расчет, что внук будет до старости вынужден есть маслины с дерева, которое сажал дед. Южане вольны покинуть Союз, иначе «они просто рабы своих глупых, деспотичных и уже мертвых предков» [25, с. 5]. «Конституция либо санкционировала учреждение такого правительства, либо оказалась бессильна его предотвратить. В обоих случаях она не заслуживает существования» [25, с. 59].

Методологический индивидуализм подтолкнул Лисандра Спунера рассмотреть политический процесс как взаимодействие частных лиц, чьи взгляды, мотивы, психологические установки остаются недосказанными. Свобода — неотъемлемый атрибут индивидуального сознания. Властно-языковой дискурс не может определить свободу или расширить ее объем, но только ограничить, пусть иногда и в полезных целях. В такой среде основанием для сотрудничества выступает конвенция, обставленная всеми юридическими формальностями. Государство, нация, отрасли публичного права — все это лишь фантомы, идеи с изменчивым содержанием, которым манипулирует то одна, то другая финансово-промышленная группа. Анархическая пресуппозиция приоритета интересов общества над интересами государства означает примат спонтанно возникших социальных связей над связями организованными, примат личного примера над назидательным морализаторством и научно-теоретическим переубеждением оппонента, примат репутации в сравнении с формальным статусом, первенство экзистенциального опыта и ощущений над громоздкими конструкциями языка.

Стихийное взаимодействие структурируется в зависимости от внешних условий быта. Господство соседской общины, служившей совместному выживанию селян на определенных этапах развития экономики, порождало анархический коллективизм. В рамках того же политического позиционирования городской образ ведения домашнего хозяйства оборачивается анархическим индивидуализмом. Обе формы анархизма остаются антикапиталистическими (социалистическими) учениями ввиду их принципиальной несовместимости с оторванным от труда и фактического владения вещью концептом собственности [26, с. 466–469]. Более того, расширительная интерпретация понятия земельной собственности является предтечей территориального суверенитета правительства. Разработанный в 60–70-е годы прошлого века

анархо-капитализм — синкретичная и внутренне противоречивая теория.

Возвращаясь к правопониманию Спунера, следует отметить, что он был юснатуралистом. Юрист не приводит весь перечень естественных прав, свойственных его философским взглядам, однако часто ссылается на «общие принципы права и разума» [25, с. 18, 22, 26, 32, 39–40, 42]. Отсюда, а также из подчеркнутого внимания американца к проблеме письменной формы общественного договора и к другим его реквизитам, можно сделать вывод, что Спунер нередко использовал понятие естественного права в качестве юридико-технического термина.

Автор не порывает с метафизикой первоизданного и искусственного, уходящей корнями в коллективное бессознательное аграрного общества, в миф о золотом веке, но оплот борьбы за естественное право он видит в таком позитивном институте, как суд присяжных. Задача жюри — оградить граждан от произвола чиновников всех ветвей власти. Каждый имеет право не подчиняться биллям легислатуры, если он готов передать дела со своим участием на усмотрение присяжных [27, с. 15]. Заседатели должны по жребию избираться из числа совершеннолетних жителей округа. Тот факт, что коллегии, не связанные какими-либо актами столичных законодателей, будут выносить разные решения по сходным делам, лишь укрепит федеративные начала американской политики [27, с. 140–141]. Широкая легитимация суда присяжных обеспечит безболезненный переход от государственно-организованного социума к безвластному.

Следующим этапом развития идей юридического анархизма стали научные взгляды Бенджамина Рикетсона Такера. На индустриальной стадии развития человечества одной из первооснов взаимодействия индивидов выступает рыночная конкуренция. Свободный обмен экономических благ — двигатель прогресса. Свободный обмен противостоит накопительству, не связанному с фактическим владением вещью. С точки зрения Такера, собственник недвижимости теряет свои права, если не пользуется ею какое-то время, а рента, процент на капитал, привилегии автора и изобретателя являются формами монополизма, искажением рыночных отношений [26, с. 17–19, 456–458]. Государство — выдающийся монополист и агрессор. Функционируя как огромная корпорация, оно овладевает командными высотами народного хозяйства и рассматривает граждан в качестве дисциплинированных исполнителей задач, поставленных сувереном.

Сегодня на рынке сложилась противоречивая ситуация: рабочие конкурируют свободно, а предприниматели ограждены от соперничества товарными знаками, патентами, лицензированием, протекционистскими тарифами. Положение усугубляют кредитные возможности правительства [26, с. 15–17, 381–383]. Центральный банк эмитирует нетвердые деньги, а частичное резервирование и льготное кредитование позволяют ему почти безгранично манипулировать структурой хозяйствования, перенаправлять талантливых бизнесменов, инициативных работников в отрасли, нужные власти предержащим.

В авторском предисловии к русскому переводу своего главного труда Такер назвал Россию лучшей средой для распространения анархических идей [26, с. IX]. Он был близок к истине. Три революции и Гражданская война, форсированная урбанизация, радикальные рыночные реформы — все эти события провоцировали маргинализацию населения. Такие ключевые позиции, как располагаемый доход, доступ к публичной власти, уровень образования, социальный престиж, оказались не связаны между собой (к примеру, сотрудник НИИ пользуется в обществе высоким престижем, но его оклад еще считанные годы назад был ниже среднего по стране [28, с. 467–469, 477–479]).

В ситуации аномии граждане стремятся поставить понятия семьи, карьеры, землячества гораздо выше интересов государства, не справляющегося с декларируемыми социально-экономическими задачами. Образцом разрешения парадоксов современного капитализма является самозанятость. Как подобает анархическим индивидуалистам, фрилансеры игнорируют корпоративную структуру производства, ни к кому не нанимаются и не эксплуатируют наемный труд. Другим примером служат субурбии постиндустриальных специалистов и микропредпринимателей, по преимуществу работающих из дома. В отличие от городской маргинальности, такой образ жизни способен в короткий срок привести к реальным изменениям политической культуры, пусть и весьма локальной.

Отказ Такера от концепции естественных прав, его переход к философскому эгоизму обозначил новый виток эволюции юридического позитивизма [22, с. 137–139]. Человек рождается и умирает лишенным онтологических привилегий в какой бы то ни было области. Источником права может быть либо делящееся согласие всех участников общественного отношения, либо грубая, а потому криминальная, морально не-

приемлемая сила. В первом случае договор должен соблюдаться до тех пор, пока он выгоден всем сторонам сделки. Во втором — подданным предлагают цинично интерпретировать содержание нормативных правовых актов, соблюдая их требования только на виду у правительства из боязни неминуемой кары. В арсенале этого подхода имеются средства юридической техники, разработанные практиками права в ходе веков сопротивления государственному гнету. Презумпция невиновности, такие принципы, как «никто не может быть судьей в своем деле», «не дважды за одно и то же», «гражданам и юридическим лицам разрешено все, что напрямую не запрещено законом», «органам публичной власти запрещено все, что напрямую не разрешено законом», функционально ограничивают активность суверена и дезорганизуют государственное насилие. Особое внимание американский автор уделял работе налоговых адвокатов, способных подорвать хозяйственную мощь правительства, следуя его же предписаниям [26, с. 523–526]. Дисгармония интересов налогоплательщика и суверена по сей день остается фундаментальной проблемой фискальных правоотношений [29, с. 1316, 1323].

В христианских странах, где самые основы религиозной культуры предполагают сочетание скепсиса в отношении административно-государственных методов решения проблем человечества и пассивной лояльности эмпирически данным властям, анархическая пресуппозиция приоритета интересов общества над интересами государства порой сближается с консервативной.

Марксизм (коммунизм)

Советский Союз был трагическим результатом коммунистического эксперимента на просторах северной части Евразии. Тем не менее нельзя не отметить выдающихся и весьма скорых достижений советского общества в отдельных областях (равенство полов, федерализация, всеобщее образование, жилищная реформа). Опыт марксистского социалистического строительства обязан быть переосмыслен на национальном уровне, а не просто отвергнут. В конце концов, именно Октябрьский переворот придал западному капитализму его современный социально ориентированный вид. Без спешной реакции правящих кругов развитых стран на события в России вся планета сегодня сталкивалась бы с совсем другими противоречиями и не знала бы множества новаций.

В «Манифесте Коммунистической партии» Карл Маркс и Фридрих Энгельс утверждают:

«право есть лишь возведенная в закон воля класса» [30, с. 443]. В другом месте Энгельс отмечал: «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то, по общему правилу, оно является государством самого могущественного, экономически господствующего, класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса» [31, с. 171]. Можно сделать вывод, что ключевым философско-правовым принципом (базовой пресуппозицией) марксизма является классовый характер права и государства.

Классовая структура определяется установившимся укладом повседневной, материально-производственной жизни. В этом смысле попытка поставить представления о чести, славе, долге, иных политических отношениях над экономическим базисом общества является глубоко ошибочной. Бесценность социологических умозаключений Карла Маркса, тем не менее, не обязывает нас соглашаться с его идеей тотального классового антагонизма, который, с точки зрения мыслителя, не может быть преодолен средствами свободной конкуренции [30, с. 429–432].

Основатели марксизма считали естественный и неотчуждаемый характер прав человека метафизической иллюзией. Они критиковали свойственное капитализму формальное равенство идеальных собственников. В хозяйственных реалиях позапрошлого и начала прошлого столетий формально-юридическое равенство граждан действительно вело к эксплуатации наемных работников предпринимателями, к крайнему имущественному расслоению. Теоретики предлагали революционным путем заменить власть, обслуживающую интересы крупных собственников, диктатурой пролетариата [32, с. 27]. Диктатура означала бы захват и переподчинение запросам промышленных рабочих всех институтов буржуазного правления, трудовую мобилизацию, экспроприацию частных латифундий, отмену наследования [30, с. 446–447]. В процессе перехода к полному коммунизму новое государство поглотило бы общество до степени смешения с ним [33, с. 291–292]. Каждый трудящийся стал бы чиновником от огромного производственного комплекса.

Советским юристам предстояло уточнить выводы марксистского государствоведения. Памятуя о социально-экономических корнях воз-

зрений немецких авторов, отечественные теории 1920-х годов подчеркивали ведущую роль понятий классового порядка, революционного правосознания, классового интереса.

Первый Председатель Верховного Суда РСФСР Петр Иванович Стучка определял право, как «форму организации отношений производства и обмена», «соответствующую интересам господствующего класса и охраняемую организованной силой этого класса» [34, с. 58–59]. Заметим, что эта дефиниция прямо не говорит о государстве. Более того, с позиции Стучки, в период нэпа в Советском Союзе одновременно действовало буржуазное право обычаев делового оборота, особенной части Гражданского кодекса и пролетарское право других отраслей законодательства [34, с. 593].

По мнению Евгения Брониславовича Пашуканиса, материальной предпосылкой права является товарообмен. Согласование индивидуальных волей с назначением цены сделки — гораздо более важный компонент генезиса юридических явлений, чем политически мотивированное провозглашение конституции. «Только постоянное перемещение прав, происходящее на рынке, создает идею неподвижного их носителя» [35, с. 110]. Законотворчество, парламентаризм, судебный процесс — все это атрибуты общества, где договорные правоотношения уже признаются и практикуются значительной массой населения. На определенном этапе истории сознательные городские труженики отказываются от анархии свободного рынка в пользу административно-командного распределения — вот почему не может быть пролетарского права [35, с. 53]. Советское право обусловлено многоукладностью экономики СССР, сохранением отдельных элементов патриархально-крестьянского и мелкобуржуазного хозяйства. Оно отомрет при наступлении коммунизма.

На следующей стадии развития отечественной юриспруденции превалировал марксистский позитивизм. Всесоюзное совещание по вопросам науки советского государства и права прошло в июле 1938 года в недоброй обстановке репрессий. Прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский выступил с докладом, где прозвучало такое определение: «право — совокупность правил поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса, а также санкционированных государственной властью обычаев и правил общежития, осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных

отношений, выгодных и угодных господствующему классу» [36, с. 6]. В духе коммунистической ортодоксии, дефиниция презюмирует классовый характер государства. Что касается права, то оно считается приказом или запретом, производным от суверена. Авторитарная интерпретация легализма соответствовала обстоятельствам диктатуры пролетариата, форсированной индустриализации, свертывания нэпа, а также сталинской идее отмирания государства через его усиление.

Как верно отметил Сергей Сергеевич Алексеев, утверждение в стране жесточайших форм деспотии причудливым образом повысило престиж аналитического труда правоведа-догматика [37, с. 10–13]. Открытие новых юридических факультетов и институтов стало почти бессознательной реакцией на будничность ход большого террора. Мере разочарования граждан в коммунистической идеологии соответствовал постепенный отказ специалистов от марксистского философско-правового принципа классового характера права и государства. С конца 1980-х многие обратили внимание на либеральный юснатурализм. Нашлись и те, кто продолжил придерживаться позитивистского правопонимания, но все чаще с консервативной пресуппозиции.

Несмотря на подрыв доверия к левой мысли, семь десятилетий власти большевиков продолжат отзываться в народной памяти как отрицательными, так и отдельными положительными моментами. Организованный промышленный пролетариат останется питательной средой коммунизма, пока объективно имеет место конфликт собственников средств производства и их наемных работников. Какой бы ни была его политическая программа, марксизм порожден верой в светлое будущее и в творческие возможности человека. Вот почему вопросы, поставленные Марксом и Энгельсом, заслуживают обсуждения и ответа.

Заключение

В ходе исследования мы выделили ключевые философско-правовые принципы четырех основных политических идеологий современного общества. Консерватизму соответствует первоначало преемственности, либерализму — приоритет прав и свобод человека, анархизму — приоритет интересов общества над интересами государства, коммунизму — классовый характер права и государства.

Принимая во внимание их структурное положение в социуме, мы определили группы, склонные интерпретировать закон, опираясь

на то или иное философско-правовое первоначало, причем такое толкование возможно и без осознанной принадлежности к какому-либо политическому учению. К консервативной пресуппозиции тяготеют пенсионеры; к либеральной — предприниматели, власть предрежащие, а также обслуживающая их капиталистически ориентированная интеллигенция; к анархической — фрилансеры; промышленный пролетариат тяготеет к марксистскому принципу.

Каждая философско-правовая пресуппозиция вносит вклад в разнообразие и богатство социальных процессов. Несмотря на то, что выбор взглядов часто бывает спонтанным и иррациональным, мировоззрения способны заимствовать и адаптировать лучшие открытия друг друга. В сегодняшней России, как и во многих государствах мира, старшее поколение извлекает выгоду из инерционных свойств социальной системы. Некоторые добиваются личного успеха: открывают бизнес и используют его для получения высоких доходов, финансирования инвестиций, престижного потребления. Еще большее число граждан вынуждено продавать рабочую силу. Уровень их жизни постоянно растет, что, тем не менее, не мешает им впадать в зависимость от собственников, становясь арендаторами квартир, плательщиками по многолетним ипотечным кредитам.

В свете сказанного анархизм перестает выглядеть теорией огульного недоверия к государственным институтам, банкам и корпорациям. Доведенные до логического завершения, экономические идеи свободной конкуренции индивидов, такие правовые постулаты, как презумпция невиновности, «частным лицам разрешено все, что напрямую не запрещено законом», «органам публичной власти запрещено все, что напрямую не разрешено законом», широкая легитимация суда присяжных способны решать противоречия государственно-организованного капитализма, разговаривая с правительством на его языке.

Примат хозяйственной практики над потусторонними конструкциями власти, мирного про-

изводства над насильственным распределением означает принципиальную преодолимость последних. Вот почему в буржуазную юриспруденцию с самого ее возникновения и до последнего момента, пока экономика сохраняет товарно-денежный характер, «вшиты» циничное отношение к динамичной государственной машине и профанация чиновных усилий.

Юридический анархизм способен стать для ученых-гуманитариев тем же, чем теорема о неполноте формальных систем стала для математиков, — возможностью решить проблемы, поставленные перед человечеством эпохой Просвещения. Табличная модель истины, стремление к непрестанной классификации и типологизации, с одной стороны, вывели аналитический потенциал мышления на новый уровень: дали толчок медицине, снизили детскую смертность, увеличили народонаселение и среднюю продолжительность жизни. С другой стороны, они же наделили правительства необычайной властью над гражданами и местными сообществами, маргинализировали глубокую религиозность, открыли дорогу мировым войнам, ужасам карательной психиатрии и концлагерей. Вытеснение командно-административного воздействия стихийной рыночной связью индивидуумов — исключительно важный шаг на пути к преодолению негативных последствий Нового времени без опасения разрушить его великие достижения в открытом столкновении с капитализмом.

В области специально-юридических изысканий известный цинизм необходим, чтобы избавиться от комплиментарного тона, сопровождающего исследование современности. Научная объективность требует, чтобы мы относились к нормативным структурам XXI века с той же долей скепсиса, с какой воспринимали общины Древнего Египта, политики доколумбовой Америки и прочих далеких времен. В таком случае только выверенный теоретико-правовой подход позволит ученой критике не опуститься до уровня тенденциозной эмоционально-окрашенной публицистики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. — Москва : Медиум, 1995. — 236 с.
2. Быховский Б.Э. Философия Декарта / Б.Э. Быховский. — Москва, Ленинград : Изд-во АН СССР, 1940. — 170 с.
3. Спасский Б.И. История физики : учеб. пособие / Б.И. Спасский. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1963. — Ч. 1. — 328 с.
4. Давыдова М.Л. Принципы позитивного права в теоретико-правовом дискурсе / М.Л. Давыдова. — DOI 10.15688/jvolsu7.2016.3.5. — EDN WXQOVD // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. — 2016. — № 3 (33). — С. 36–45.

5. Wolff R.P. On Being Both an Anarchist and a Marxist / R.P. Wolff // *Science and Society*. — 2015. — Vol. 79, no. 2. — P. 314–317.
6. Wolff R.P. *The Poverty of Liberalism* / R.P. Wolff. — Boston : Beacon Press, 1968. — 195 p.
7. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. — Москва : Междунар. отношения, 1996. — 400 с.
8. Эвола Ю. Люди и руины / Ю. Эвола. — Москва : Опустошитель, 2019. — 296 с.
9. Кельзен Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. — 542 с.
10. Дидикин А.Б. *Философия права Ганса Кельзена : учеб. пособие* / А.Б. Дидикин. — Москва : Проспект, 2021. — 208 с.
11. Генон Р. *Общее введение в изучение индусских учений* / Р. Генон. — Москва : Беловодье, 2013. — 320 с.
12. Четвернин В.А. *Введение в курс общей теории права и государства : учеб. пособие* / В.А. Четвернин. — Москва : Ин-т гос. и права РАН, 2003. — 204 с.
13. Гегель Г.В.Ф. *Философия права* / Г.В.Ф. Гегель ; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц. — Москва : Мысль, 1990. — 524 с.
14. Тарасов Ю.А. «Ночной дозор» Рембрандта — кульминация в развитии жанра голландского группового портрета XVII в. / Ю.А. Тарасов. — EDN ULTGCB // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. — 2014. — № 1. — С. 115–123.
15. Зотов Д.В. Про голландскую милицию / Д.В. Зотов. — EDN VSEXLN // *Судебная власть и уголовный процесс*. — 2016. — № 1. — С. 207–208.
16. Прилуцкий В.В. Идеология «групп ненависти» в США: история и современные тенденции / В.В. Прилуцкий. — EDN HTGDEW // *Диалог со временем*. — 2020. — № 70. — С. 265–274.
17. Лапаева В.В. *Типы правопонимания: правовая теория и практика : монография* / В.В. Лапаева. — Москва : Изд-во Рос. акад. правосудия, 2012. — 578 с.
18. Цицерон М.Т. *О государстве. О законах* / М.Т. Цицерон ; пер. с лат. В.О. Горенштейна. — Москва : Академ. проект, 2020. — 249 с.
19. Феодорит (епископ Кирский). *Сокращенное изложение Божественных догматов* / Феодорит (епископ Кирский). — Москва : Сибирская Благовонница, 2014. — 224 с.
20. Феофилакт (архиеп. Болгарский). *Толкование на Деяния и Послания святых апостолов : в 3 т. / Феофилакт*. — Москва : Сибирская Благовонница, 2009. — Т. 3, ч. 2: *Толкование на Послания святого апостола Павла*. — 672 с.
21. Gregory of Nyssen. *The Letters* / Gregory ; introduction, translation and commentary Anna M. Silvas. — Lieden, Boston : Brill, 2007. — 283 p.
22. Белькович Р.Ю. *Анархо-индивидуализм в политико-правовой мысли США XIX — начала XX века : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01* / Р.Ю. Белькович. — Москва, 2009. — 162 с.
23. Alexander A.J. The Ideas of Lysander Spooner / A.J. Alexander // *The New England Quarterly*. — 1950. — Vol. 23, no. 2. — P. 200–217.
24. Spooner L. *No Treason. No. 1.* / L. Spooner. — Boston, 1867. — 14 p.
25. Spooner L. *No Treason. No. VI. The Constitution of no Authority* / L. Spooner. — Boston, 1870. — 59 p.
26. Такер Б.Р. *Вместо книги. Написано человеком, слишком занятым, чтобы писать книгу* / Б.Р. Такер. — Москва : тип. А.П. Поплавского, 1908. — 631 с.
27. Spooner L. *An Essay on the Trial by Jury* / L. Spooner. — Boston, 1852. — 224 p.
28. Головчин М.А. Возможности опережающего формирования достойной оплаты труда ученых в российских регионах / М.А. Головчин. — DOI 10.21202/2782-2923.2022.3.465-482. — EDN UCMFQM // *Russian Journal of Economics and Law*. — 2022. — Т. 16, № 3. — С. 465–482.
29. Комарова Г.П. Актуальные вопросы налоговых проверок / Г.П. Комарова, О.В. Змановская, Г.М. Касаткина. — DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(3).1113-1125. — EDN KNAJBT // *Baikal Research Journal*. — 2024. — Т. 15, № 3. — С. 1313–1326.
30. Маркс К. *Манифест Коммунистической партии* / К. Маркс, Ф. Энгельс // *Сочинения*. — Изд. 2-е. — Москва, 1955. — Т. 4. — С. 419–459.
31. Энгельс Ф. *Происхождение семьи, частной собственности и государства* / Ф. Энгельс // *Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Изд. 2-е. — Москва, 1961. — Т. 21. — С. 23–178.
32. Маркс К. *Критика Готской программы* / К. Маркс, Ф. Энгельс // *Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Изд. 2-е. — Москва, 1961. — Т. 19. — С. 9–32.
33. Энгельс Ф. *Анти-Дюринг* / Ф. Энгельс // *Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Изд. 2-е. — Москва, 1961. — Т. 20. — С. 1–338.
34. Стучка П.И. *Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права* / П.И. Стучка. — Рига : Латгосиздат, 1964. — 748 с.
35. Пашуканис Е.Б. *Избранные труды по общей теории права и государства* / Е.Б. Пашуканис. — Москва : Наука, 1980. — 271 с.

36. Вышинский А.Я. О задачах науки советского социалистического права / А.Я. Вышинский // Проблемы социалистического права. — Москва, 1938. — Сб. 4. — С. 3—9.

37. Алексеев С.С. Теория права С.С. Алексеев. — Москва : БЕК, 1995. — 320 с.

REFERENCES

1. Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. In Lakatos I., Musgrave A. (eds). *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge University Press, 1970, pp. 91—195. (Russ. ed.: Lakatos I. *Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes*. Moscow, Medium Publ., 1995. 236 p.).
2. Bykhovskii B.Eh. *Descartes' Philosophy*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ., 1940. 170 p.
3. Spasskii B.I. *History of Physics*. Moscow University Publ., 1963. Pt. 1. 328 p.
4. Davydova M.L. The Principles of Positive Law in the Theoretical and Legal Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiia. Sotsiologii i sotsialnye tekhnologii = The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2016, no. 3, pp. 36—45. (In Russian). EDN: WXQOVD. DOI: 10.15688/jvolsu7.2016.3.5.
5. Wolff R.P. On Being Both an Anarchist and a Marxist. *Science and Society*, 2015, vol. 79, no. 2, pp. 314—317.
6. Wolff R.P. *The Poverty of Liberalism*. Boston, Beacon Press, 1968. 195 p.
7. David R., Jauffret-Spinozi C. *Les Grands Systemes de Droit Contemporains*. Paris, Dallos, 1978. (Russ. ed.: David R., Jauffret-Spinozi C. *The Great Sisters of Contemporary Law*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1996. 400 p.).
8. Evola J. *Gli uomini e le rovine*. Roma, 1953. (Russ. ed.: Evola J. *Men and Ruins*. Moscow, Opustoshitel Publ., 2019. 296 p.).
9. Kelsen H. *Reine Rechtslehre*. Leipzig, Franz Deuticke, 1934. 236 S. (Russ. ed.: Kelsen H. *Pure Theory of Law*. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. 542 p.).
10. Didikin A.B. *Philosophy of law of Hans Kelsen*. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 208 p.
11. Guenon R. *Introduction to the Study of the Hindu Doctrines*. Sophia Perennis, 2001. 257 p. (Russ. ed.: Guenon R. *Introduction to the Study of the Hindu Doctrines*. Moscow, Belovod'e Publ., 2013. 320 p.).
12. Chetvernin V.A. *Introduction to the general theory of law and state*. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003. 204 p.
13. Hegel G.W.F. *Grundlinien der Philosophie des Rechts*. Leipzig, F. Meiner, 1911. 600 S. (Russ. ed.: Hegel G.W.F. *The Philosophy of Right*. Moscow, Mysl Publ., 1990. 524 p.).
14. Tarasov Ju.A. «The Night Watch» by Rembrandt — Culmination in THE Development of Dutch Group Portrait at the XVII Century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2014, no. 1, pp. 115—123. (In Russian). EDN: ULTGCB.
15. Zotov D.V. About Dutch Militia. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Pprocess*, 2016, no. 1, pp. 207—208. (In Russian). EDN: VSEXLH.
16. Prilutskiy V.V. The Ideology of «Hate Groups» in the United States: History and Current Trends. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*, 2020, no. 70, pp. 265—274. (In Russian). EDN: HTGDEW.
17. Lapaeva V.V. *Types of legal understanding: legal theory and practice*. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., 2012. 578 p.
18. Cicero M.T. *On the State. About the Laws*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2020. 249 p.
19. Feodorit. *Abridged Exposition of Divine Dogmas*. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2014. 224 p.
20. Feofilakt. *Interpretation of Acts and Epistles of the Holy Apostles*. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009. Vol. 3, pt. 2. 672 p.
21. Gregory of Nyssen. *The Letters*. Lieden, Boston, Brill, 2007. 283 p.
22. Belkovich R.Yu. *Anarcho-individualism in the political and legal thought of the USA of the XIX — early XX centuries*. Cand. Diss. Moscow, 2009. 162 p.
23. Alexander A.J. The Ideas of Lysander Spooner. *The New England Quarterly*, 1950, vol. 23, no. 2, pp. 200—217.
24. Spooner L. *No Treason. No. I*. Boston, 1867. 14 p.
25. Spooner L. *No Treason. No. VI. The Constitution of no Authority*. Boston, 1870. 59 p.
26. Tucker B.R. *Instead of A Book, by a Man too Busy to Write One*. New York, B.R. Tucker, 1893. 538 p. (Russ. ed.: Tucker B.R. *Instead of A Book, by a Man too Busy to Write One*. Moscow, 1908. 631 p.).
27. Spooner L. *An Essay on the Trial by Jury*. Boston, 1852. 224 p.
28. Golovchin M.A. Opportunities for the Preemptive Formation of Decent Labor Remuneration for Researchers in the Russian Regions. *Russian Journal of Economics and Law*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 465—482. (In Russian). EDN: UCMFQM. DOI: 10.21202/2782-2923.2022.3.465-482.
29. Svetnik N.V., Borovskikh S.V. Analysis of the Conditions for the Development of Student Entrepreneurship in the Sphere of Physical Education, Health and Sports Services. *Baikal Research Journal*, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 1313—1326. (In Russian). EDN: KNAJBT. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).1113-1125.

30. Marx K., Engels F. The Communist Manifesto. In *Collected Works*. London, 1976. Vol. 6. (Russ. ed.: Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. In *Collected Works*. 2nd. ed. Moscow, 1955. Vol. 4, pp. 419–459.).
31. Engels F. *The Origin of the Family, Private Property and the State*. Chicago, C. H. Kerr & company, 1902. 230 p. (Russ. ed.: Engels F. The Origin of the Family, Private Property and the State. In Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd. ed. Moscow, 1961. Vol. 21, pp. 23–178.).
32. Marx K. *Critique of the Gotha Program*. Oakland, CA : PM Press, 1875. 132 p. (Russ. ed.: Marx K. Critique of the Gotha Program. In Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd. ed. Moscow, 1961. Vol. 19, pp. 9–32.).
33. Engels F. *Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft*. Leipzig, 1877. (Russ. ed.: Engels F. Anti-Dühring. In Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd. ed. Moscow, 1961. Vol. 20, pp. 1–138.).
34. Stuchka P.I. *Selected works on Marxist-Leninist legal theory*. Riga, Latgosizdat Publ., 1964. 748 p.
35. Pashukanis E.B. *Selected works on the general theory of law and state*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 271 p.
36. Vyshinskii A.Ya. *On the tasks of the science of Soviet socialist law*. In *Problems of Socialist Law*. Moscow, 1938. Collection 4, pp. 3–9. (In Russian).
37. Alekseev S.S. *Theory of Law*. Moscow, BEK Publ., 1995. 320 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Алексеевич Кудашев — аспирант кафедры конституционного и муниципального права Института права. Волгоградский государственный университет. 400062, Россия, Волгоград, Университетский пр-т, 100; SPIN-код: 1468-7118.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail A. Kudashev — a postgraduate student of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of Law. Volgograd State University. 100, University Avenue, Volgograd, Russia, 400062. SPIN-code: 1468-7118.

Поступила в редакцию / Received 20.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised 12.02.2025

Принята к публикации / Accepted 20.03.2025